

ТРИДЦАТЬ лет назад, пожалуй, никто из театра тракторостроителей и не догадывался о том, какой подарок преподносит им судьба. Тогда трудно было предположить, что новый режиссер, Яков Захарович Миркин, сумеет создать не только коллектив, не уступающий любому профессиональному. С его приходом родилось нечто большее, чем театр: возникло особое братство «миркинцев». И Яков Захарович стал его «душой».

Он действительно имел дар сближать самых разных людей. Актеры

Памяти артиста

ВСТРЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ ДУШИ

Городские вести. - Волгоград. - 1992. - 14 ноября - С. 3

Миркина были не совсем обычными. Днем они играли роли передовиков производства, новаторов и рационализаторов. Далеко не все из них читали Чехова или Мольера. Но вечером они собирались в театре у Якова Захаровича.

Хороший психолог, никогда не обучавшийся психологии, он умел подобрать ключ к каждому из них. С каждым он работал по-разному. Кого-то критиковал в присутствии всего коллектива, с другим разговаривал без свидетелей. Но никогда Миркин не был груб. Он очень любил своих артистов и относился к ним бережно и уважительно.

Трогательная подробность: после каждой премьеры Миркин дарил актерам программки со словами признательности за труд.

Яков Захарович был очень нежный художник. И человек — тоже, только не выставлял нежности напоказ. Он близко к сердцу принимал конфликты, пусть даже не слишком серьезные.

Может быть, именно поэтому он никогда не ставил «жесткую», точнее «жестокую», драматургию. И вовсе не потому, что тогда нельзя было показывать «свинцовые мерзости жизни». Зрители на его спектаклях знали о теневых сторонах бытия не понаслышке. Для Миркина гораздо важнее было оставить людям веру во что-то светлое.

Он не раз обращался к классике: Горькому, Островскому, Мольеру. Заслуга Миркина неоспорима в том, что он не только приблизил людей неискушенных к высокому искусству слова, но и поднял их до высоты живого, а не хрестоматийно-мертвящего понимания литературы.

В нем никогда не было назидатель-

Его «Тартюф» стал триумфом.

Посмотреть спектакль съезжались со

всего города.

Артистов узнавали

на улицах.

Столичные

режиссеры и

критики признали

его лучшим среди

лучших.

Шумный успех

сопутствовал не

МХАТУ и Таганке.

На этот раз

аплодисменты

звучали не в адрес

знаменитых и

титлованных

актеров.

Облаченные в

роскошные

старинные костюмы

на сцене стояли...

врачи, инженеры,

рабочие. А притчей

во языцех стал

народный театр

ДК ВГТЗ.

От писателя —

книги,

от композитора —

музыка,

от художника —

картины.

А что остается от

режиссера!

ности. Он не учил, не призывал, а верил. Он ждал от актеров встречного движения души, ждал, чтобы они сбросили с себя повседневную суету и напряжение. Он доверял им и, может, поэтому никогда не упрощал свой театральный язык, не считал, что актеры глупее, необразованнее, менее тонки и интеллигентны, чем он сам. Миркин никогда не делал скидку на непрофессионализм. Его любимым изречением было «любитель — не значит дилетант». Вся его работа с актерами строилась по системе Станиславского, учеником и

«народным», хотя имел на эти звания больше прав, чем другие.

Но слава у него была. Яков Захарович был очень известным человеком. К его мнению прислушивались. Коллеги высоко ценили его труд. Многие актеры из театра Миркина уходили на профессиональную сцену.

В последние годы жизни, вынужденный из-за болезни уйти из театра, он записал на магнитную пленку стихи своих любимых поэтов — Пастернака, Блока, Цветаевой, Ахматовой. «Останется вам на память», — говорил Яков Захарович.

Можно вести бесконечные споры на тему «С чего начинается театр». Однозначно одно — театр умирает

преемником которого он оставался всю жизнь. Яков Захарович требовал приходить на репетицию с готовыми разработками образа, искать «зерно» роли, определять ее сверхзадачу. Он предоставлял полную свободу творчества. А из множества вариантов выбирал единственно верный. Но делал это так тонко и незаметно, что каждому из актеров казалось, будто находка принадлежит только ему.

Несмотря на нежность, доброту, Миркин был необыкновенно требовательным человеком. Не терпел расхлябанности, несобранности, опозданий. Он не прощал появления на репетиции в нетрезвом виде: некоторым из-за этого навсегда пришлось распрощаться с театром.

Яков Захарович Миркин умер, так и не став ни «заслуженным», ни

вместе с его создателем. Так было с театром Эфроса и Товстоногова. То же случилось с театром Миркина. Остались стены, в которых работает новый режиссер, новые актеры. И, как говорится, дай им Бог. Но это уже другой театр, другой дух.

Большие художники, уходя, оставляют после себя ощущение пустоты. Но человеческий разум не может мириться со смертью. Для людей, знавших Якова Захаровича, он по-прежнему жив. Дважды в год — в день рождения и годовщину смерти — они собираются все вместе: жена, сын, друзья.

От писателя — книги, от композитора — музыка, от художника — картины. А что остается от режиссера?..

Яна Крупенина.